

Żanna Śladkiewicz
Uniwersytet Gdański

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ФЕЛЬЕТОНЕ

Фельетонный текст является частью публицистического дискурса, квалифицируемого как персуазивный тип дискурса. Социально-политический фельетон всегда включается в идеологическую коммуникативную ситуацию, имеет идеологический модус и предполагает общественную значимость. Стратегической задачей фельетониста является не просто ознакомить читателя с происшедшим событием или болезненным явлением современной ему действительности, а прежде всего, выразить отношение к нему и убедить читателя в правоте авторского видения данного факта. Осмысление поступающей к индивиду информации происходит путем её **концептуализации**, т.е. образования концептов, концептосфер, концептуальных структур и всей концептуальной системы в человеческой психике¹. Выделяют две базисные функции **концептуальной** картины мира — интерпретативную, осуществляющую видение мира, и регулятивную, заключающуюся в создании универсального ориентира в человеческой жизнедеятельности². При этом, как отмечает Анна Е. Истомина, в рамках масс-медийной коммуникации обе эти функции будут носить интенциональный характер, а интерпретативная функция будет определять содержание коммуникации³.

Фельетон, несомненно, является репрезентантом медиакарты мира. Ирина В. Рогозина рассматривает медиакommunikацию как процесс продуцирования смыслов и отмечает, что язык выступает не только средством познания мира, но и инструментом воздействия на когни-

¹ В. Маслова: *Введение в когнитивную лингвистику*. Москва: Флинта 2006.

² В. Постовалова: *Картина мира в жизнедеятельности человека*. В кн.: *Роль человеческого фактора в языке*. Ред. Б. Серебренников. Москва: Наука 1988, с. 8–69.

³ А. Истомина: *Фельетон как жанр политического дискурса*. Дис. на соиск. научной степ. канд. филол. наук. Волгоград: Изд-во ВГПУ 2008, с. 80.

тивные структуры адресата с целью формирования определенного представления реальности⁴. Медиакартина мира предстаёт как результат ментально-когнитивной деятельности по моделированию событий и явлений окружающего мира. Впоследствии эта сформированная посредством масс-медиа реальность становится составляющей концептуальной картины мира адресата. Публицистическая картина мира становится средством моделирования поведенческих и когнитивных реакций адресата на отображаемые в тексте события действительности, создаёт различные новые «способы схематизации реальности»⁵.

Сатирическая публицистическая картина мира носит нормативный характер, определяемый ценностными стереотипами и представлениями, лежащими в основе оценки. Она задает модальность и тональность интерпретации действительности. Сатирическое «оязыковление» политических событий «концентрируется на негативных сторонах и путем систематического отбора и усиления недостатков и глупостей производит карикатуру на свой объект»⁶. В сатирической картине мира обнаруживается несоответствие между социально-политической и нравственной реальностью и ее отражением в фельетоне, всегда критическим и избочающим, комическим и гротескным, основанным на осуждении и обвинении⁷.

В фельетоне освещаемый факт подвергается вторичной, по отношению к первоисточнику, репрезентации и интерпретируется автором-публицистом в соответствии с собственными мировоззренческими и идеологическими установками с целью воздействия на массового адресата, главным образом, путем дискредитации и осмеяния политического оппонента или «виновника» сложившейся ситуации. Детерминантом в реализации дискурсной стратегии дискредитации настоящей общественно-политической действительности и деятельности политической элиты является идеологема, понимаемая как «способ утверждения заданных *концептов*/номинаций в публицистике»⁸.

⁴ И. Рогозина: *Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект*. Дис. на соиск. научной степ. канд. филол. наук. Барнаул: Изд-во АлтГТУ 2003.

⁵ В. Мансурова: *Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности*. Барнаул: Дис. на соиск. научной степ. канд. филол. наук. Барнаул: Изд-во АлтГТУ 2003, с. 78.

⁶ Ю. Козловски: *Коды комического в сказках Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и «Сказка о тройке»*. Москва 1994 <http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_2120.shtml> (23.08.2012).

⁷ А. Истомина: *Фельетон как жанр политического дискурса...*, с. 85.

⁸ Н. Клушина: *Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.)*. Дис. на соиск. научной степ. канд. филол. наук. Москва: Изд-во МГУ 2008, с. 27.

Идеологема — это универсалия публицистического дискурса, именно она задает его идеологический модус. Словари дефинируют идеологему как «слово, словосочетание, готовое высказывание, а также текст, связанные с денотатом-идеей»⁹. В основе идеологемы лежит «мировоззренчески насыщенное обобщающее слово, чаще всего образное слово, метафора, обладающая мощной суггестивной силой (светлое будущее, империя зла, ось зла, холодная война)»¹⁰. Такие слова имеют оценочную коннотацию, распространяющуюся на весь текстовый континуум и задающую определенную идеологическую модальность тексту. Слова-идеи закрепляют за собой определенный устойчивый смысл, и нередко сквозным мотивом пронизывают весь публицистический свертхтекст фельетониста.

Следует заметить, что, некоторые исследователи разграничивают понятия «идеологема» и «концепт». Так, например, Наталья И. Клушина, уточняет, что

[...] концепты складываются стихийно, а идеологемы — результат целенаправленной дискурсивной деятельности. Концепт — это исторически закрепленный культурный феномен, элемент языковой картины мира, а идеологема — это пропозициональная идея, составная часть публицистической картины мира. С другой позиции: концепт — это уже сложившийся в обществе стереотип сознания, имеющий культурную коннотацию. Идеологема — только складывающийся стереотип сознания, имеющий идеологическую коннотацию. Идеологема со временем неизбежно становится стереотипом сознания, так как именно в этом и заключается задача автора-публициста — «встроить» в языковую картину мира адресата и закрепить в ней как ментальный стереотип необходимую заданную идею¹¹.

Таким образом, очевидным становится, что концепт — это базовое понятие когнитивной лингвистики, а идеологема — коммуникативной стилистики. Идеологема, как основная авторская идея, ложится в основу публицистического текста и организует все текстовое пространство. В рамках данной статьи мы будем употреблять понятия «идеологема» и «идеологический концепт» как синонимические.

Итак, **идеологема, идеологический концепт** — это вербальное воплощение идеологических, политических, социальных установок, которые должен усвоить адресат. Как ядро концептосферы политического действия она становится неотъемлемым инструментом воздействия на сознание реципиента.

⁹ Н. Попкова: *Доминанты идиостиля поэта-ирониста: на материале текстов Игоря Иртеньева*. Дис. на соиск. научной степ. канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького 2007, с. 76.

¹⁰ Н. Клушина: *Интенциональные категории публицистического текста...*, с. 27.

¹¹ Там же, с. 27–29.

В фельетонах одним из основных способов убеждения читателя в правильности авторской позиции является осмеяние, «развенчание» идеологии правительственной политики, дискредитация политических мифов, на основе которых создается авторитет нынешних властных структур. Истомина справедливо отмечает, что ведущей стратегией при переносе событийной информации из новостного жанра в фельетон является карнавализация концептов как результат их рекомбинации. Под «карнализацией концептов» понимается

[...] комическое обыгрывание концептов, их перевод в область смехового. Карнализация концептов, равно как и рекомбинация, находит свое отражение на всех уровнях модификации концепта — понятийном, образном и ценностном. Следовательно, есть основания предполагать, что в процессе карнализации концептов задействованы тактики образной конкретизации, понятийной модификации и ценностной ориентации¹².

Иначе говоря, карнализация концептов основана на принципах комической интерпретации действительности. Главным объектом иронико-сатирического осмеяния в текстах современных фельетонов становится идеологическая ложь.

Наталья И. Клушина выделяет два главных типа идеологем в сверхтексте современного русского публицистического дискурса: *социальные* и *личностные*¹³. В рамках этой статьи рассмотрим текстовую реализацию личных идеологем на материале российской фельетонистики 2002–2012 годов (504 текста).

Личностные идеологемы складываются вокруг руководителя государства (начиная от «царя-батюшки», «добротого царя»), политических лидеров, героев и антигероев своего времени¹⁴. Идеологемы этой группы

[...] укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ, например: «вождь мирового пролетариата» (о Ленине), «гениальный вождь и учитель» (о Сталине), «генеральный конструктор» (о Хрущеве), «верный ленинец» (о Брежневe), «архитектор перестройки» (о Горбачеве), «царь Борис» (о Ельцине)¹⁵.

Знаки оценки этих стереотипных номинаций зависят от идеологической позиции публициста.

¹² А. Истомина: *Фельетон как жанр политического дискурса...*, с. 108.

¹³ Н. Клушина: *Интенциональные категории публицистического текста...*, с. 28.

¹⁴ Концепты „власть” и „политик” на материале русского, немецкого и американского политического дискурсов подробно представлены в работе Е. Шейгал: *Семиотика политического дискурса*. Москва: Гнозис 2004, с. 69–96.

¹⁵ Н. Клушина: *Интенциональные категории публицистического текста...*, с. 29.

В личностных фельетонных идеологемах на первый план выдвигается одна или несколько (как правило, отрицательных) ведущих черт характера личности, проявляющихся в его поступках и действиях. Эти яркие черты в сатирико-публицистическом дискурсе подчеркиваются, гипертрофируются, шаржируются. Так происходит поэтизация или, что случается чаще, демонизация личности, конструирование мифо-имиджей политических персон. Личностные идеологемы представляют человека не во всей многоаспектности его личности, но как выразителя определенных идей. Эту мысль не раз высказывают и сами публицисты: «Я, Алина, не люблю Путина именно и исключительно в связи с тем, как он исполняет свою работу президента России — и в какое угрюмое венесуэльское болото нас всех ведет». (В. Шендерович: *Неужели Ваша ненависть к Путину настолько сильна?...*). Именно поэтому личностные идеологемы биполярны (Сталин для одних — гений, для других — злодей). Политические деятели, превозносимые официальной прессой, в текстах оппозиционной сатирической публицистики осуждаются и обличаются. Разоблачительная установка, составляющая интенциональную базу политической сатиры, определяет функции карнавализации личностных идеологем в политическом фельетоне, одной из которых является дискредитация и осмеяние несоответствующих общественному идеалу политических субъектов. Так, например, президент России Владимир В. Путин в корпусе проанализированных нами современных фельетонов номинируется в восьми основных категориях: 1) царь, 2) наместник Бога/богоносец, 3) наследник, 4) соправитель 5) гарант, 6) корыстолюбец, 7) военнотружущий, 8) карлик. Каждая из этих ипостасей, акцентируя и утрируя одну из характеристик главы государства — реальных или выдуманный, призвана вызвать у читателя критически-настороженное отношение к представителю власти. Рассмотрим их подробнее.

1) Образ **президента-царя** эксплицируется в тексте рядом номинаций, принадлежащих концептуальному полю «монархическая власть»: **царь, монарх, государь, князь, главный боярин, фараон:**

— Царя повезли? — спросил я мента, сторожившего выезд на бульвар из двора. (Выехать из дворов тоже было нельзя: у каждой подворотни стояло по такому же менту.)

— Хуже, — ответил он.

Что может быть хуже царя?

— Главного боярина? — спросил я.

— Его, — кивнул мент.

Путин, разумеется. Ну, а кто ж.

(В. Шендерович: *Хуже царя*)

Обеспокоенность сатириков вызывает попытка возродить сегодня тоталитарную идею великого вождя, ведь сверхдержавой, могучей империей по законам жанра должен управлять непогрешимый и сильный монарх, царь. Идеологема «сильной руки», призванная в официальной прессе воспевать централизованную власть, в фельетонистике отражает прямо противоположные стороны этого явления — тоталитаризм, бесчеловечность нынешней власти:

От номенклатурной интриги, от одного движения путинской руки зависел характер грядущей всероссийской шизофрении: Медведев ныне симулирует войну с коррупцией; Иванов ввел бы БТРы в Абхазию; Зубков начал бы вставлять механизаторам керамические зубы...

(В. Шендерович: *Еще раз о пользе правил*)

Дорогая прокуратура, спешу тебе напомнить в неофициальном порядке, что я, налогоплательщик, содержу тебя всю на свои кровные денежки — и ггаринского следователя с его скоросшивателем, и надзирающую городскую инстанцию, и все ваше выпущенное государево око, до Чайкиной «мигалки» включительно.

(В. Шендерович: *Как правильно разжечь национальную рознь*)

Представление о монаршествующем президенте близко русскому национальному сознанию, оно укладывается в традиционные культурно-исторические рамки соотношений «патриархального государя/батюшки-царя/царствующей семьи» и «простого народа/крестьян/смердов/холопов/челяди». Образ президента-царя имплицитно концентрирует абсолютную власть в руках одного человека — главы державы, несмотря на формальную смену государственного строя и вступление России в мир «глобальной» культуры:

Неужели разглагольствования о новом царе, о «монархии без империи», о «православии без Христа» еще раз обманут легковверный народ, обожающий сериалы про ментов и «Дом-2»?

(А. Проханов: *Монархия без империи, православие без Христа*)

Американское посольство предупредило своих сограждан: дышать в Москве небезопасно. По тамошним сведениям, несогласованным с Минздравом, наша концентрация угарного газа может иметь отдаленные последствия, в частности: через пару лет привести надыхавшихся к потере памяти. Нас, местных, никто ни о чем таком не предупреждает, и это очень мудро! Ибо как раз через пару лет в полном разгаре будет 2012 год с новым призывом на царство, еще на дюжину лет, одного местного крокодила. Тяжелые провалы в памяти в этом контексте — то, о чем можно только мечтать!

(В. Шендерович, *Приятное совпадение*)

Деятельность правителя-монарха сводится к стереотипным представлениям — безраздельно царствовать, карать и миловать, награждать фаворитов, купаться в роскоши, слушать льстивые речи «придворной элиты», рассчитывающей на щедрость господина:

В отличие от наших регионов, где внутри остается процентов пятнадцать, а остальное уходит в неведомые закрома Родины, откуда раздается по царевой милости тем, кто хорошо себя ведет...

(В. Шендерович: *Игрушечный сепаратизм*)

И молчаливая роль в этом элиты, по-прежнему стоящей в полупоклоне у царева плеча, — велика и отвратительна.

(В. Шендерович: *О природе стилистических различий*)

Опричники, гаремники, чесальщики царских спин! Тут все хотят в преемники, ей-богу, все как один! Спецслужбы, министры, челядь, политпиаровский цех — проверить всех, отметелить, а лучше бы выгнать всех!

(Д. Быков: *Баллада о преемнике*)

Используя иронический прием псевдосогласия с оппонентом — верховным муфтием России Талгатом Таджуддиным, который на VI съезде духовного управления мусульман России выступил с предложением ввести в России пожизненное президентское правление, Дмитрий Быков создает с помощью некоторых узнаваемых фактографических штрихов образ авторитарного **правителя-царя**, патриарха, представляющий президентуру Путина:

Страна у нас действительно большая. Здесь надо долго жить, сказал Корней. Чтоб попросту объехать все просторы, нужны мафусаиловские дни: чтоб в первый год при этом слушать стоны, а после — благодарности одни, чтоб выходить на каждом полустанке, как подобает первому лицу, есть огурцы из трехлитровой банки (сперва охране дав по огурцу), задумчивым патриархальным жестом благословлять пейзаж, сливаясь с ним, о детях говорить с народом женским, а о рыбалке, сдержанно, — с мужским, с ликующим военным — о матчасти, с конем — о разведении коней... Да как и дать стране набраться власти, коль не вседневным странствием по ней? [...] Короче, чтоб Отчизна понимала (хоть в этом разобрался бы и еж) — пожизненного срока тоже мало. Бессмертие, товарищи, даешь! Чтоб все свои проблемы мы решили и сделались заслуженно крепки, чтоб всем старухам выдать по машине, а всех детей облобызать в пупки, чтоб время уделить спортивным играм и вдуматься в налоговую нудь, пообниматься с осетром и тигром, домучить Киев, Грузию вернуть, прибрать контроль над всем сырьем несметным, преодолевши кризис не один, — тут надо быть практически бессмертным.

(Д. Быков: *Дайте две!*)

Антонимичность подтекста в произведении очевидна. Знакомые адресату дейктивы-иллюстраторы представляют сущность деятельности президента в сниженном ключе.

2) С традиционными патриархальными, поддерживаемыми православной церковью представлениями о царе как **наместнике Бога** на земле связан и фельетонный образ **президента-богоносца**:

Он каждый день на экранах: благодетель, мыслитель, мудрец. К нему с докладами и челобитными, с горестями и радостями. Его портреты миллионными тиражами. Имя — заклинание, клич, пароль у райских врат. Круглые сутки — утром, днем и вечером — его лицо в красном углу вместо иконы. И так несколько лет подряд. Памятник нерукотворный готов.

(А. Синцов: *Час пси*)

Если президентские «пиарщики» затеют очередное явление своего бога из машины — и прилюдное наказание очередного олигарха с последующим ростом рейтинга у клиента... Все, что угодно, короче, только не закон. К стопам припадают уже не первый год: бизнес по большей части приватно или в таких вот газетных полосах «на правах рекламы», сотни тысяч россиян — во время «прямых линий». [...] Надо срочно починить ЕМУ телефон и протолкаться поближе к стопам. Ну, и конечно — легализовать статус фараона, потому что египтяне, кажется, уже имеются.

(В. Шендерович: *Размер стопы*)

Создавая «обожествленный» образ президента, автор порой стилизует текст под Библию или оду, использует вспомогательную систему графических средств. Однако общее противоречие высокого стиля и низкой сути поступков объекта, а также грубо-просторечные вкрапления в текст («пролезть без мыла» куда) способствуют депатетизации образа и экспликации авторской позиции. Так, стилизация фельетона Виктора Шендеровича *Сеанс* подчеркивает притязания Путина на роль мессии, полубога, однако уже само заглавие, отсылающее читателя к практике гипнотизера, взрывает изнутри высокую модальность и пафос:

Застать Его врасплох было невозможно. Его спрашивали о нехватке мест в детсадах — Он выступал с проповедью о пользе рождаемости. Труженики села один за другим докладывали Ему о рекордных урожаях и делились своими тревогами по этому случаю. Он отвечал без запинки, будучи полностью в материале. [...] Всем близкий, всюду бывавший, все понимающий, пролезший без мыла в каждое сердце... Свой везде. [...] Ему ли не знать народ Свой? Он знает тайные слова, преодолевающие здешние бессмысленные просторы. Он прост и велик. Он пристроил в зоопарк тигренка, вернул слепому группу инвалидности и выдал пособие матери-героине, чтобы не вышло, что она рожала своих детей зря. [...] Мария (Ситтель) принесла в зал большую папку со свежими пожеланиями трудящихся, и Он окормил пятью хлебами последнюю тысячу.

(В. Шендеровича: *Сеанс*)

3) В связи с вышеописанными моделями президента-монарха, президента-наместника Бога логична разработка в фельетонистике и образа **президента-наследника престола/преемника власти**. Никому не известный до ухода в отставку Бориса Ельцина Путин не только получил власть в наследство от своего предшественника, выдвинувшего его на эту должность, но и сам готовит себе временную смену, чтобы по-прежнему править страной:

В новейшей России мы наблюдаем, как складывается «институт преемника», уникальный гибрид престолонаследия и согласования элит, окропленный «святой водой» выборной демократии. Первый подобный опыт — передача власти от Ельцина к Путину — был не вполне успешен. Преемник сошел с расчетной орбиты, и часть элиты оказалась в тюрьме, другая в изгнании, третья присмирела, подавленная, боясь гонений. Нынешний опыт осуществляется тоньше, сложнее. Преемника стараются закрепить в поле влияния предшественника не только явными и тайными договорами, но и системой публичных обязательств, сохранением предшественника в системе власти, предоставлением ему статуса «национального духовного лидера», неявного регента. [...] Государство — это единственное, но бесценное наследие, которое передает Путин Медведеву.

(А. Проханов: *Путин — Медведев: пересадка органов*)

Однако в оппозиционной публицистике указанная вторая ветвь престолонаследия (от Путина к Медведеву) обычно очерчивается в темных красках — дискредитация деятельности Путина как президента достигается путем фельетонного утрирования образа ослабленной России:

Кто бы ни стал преемником — ему не позавидуешь. [...] Путинская Россия больна, вымирает. И любой путинский наследник может только усугубить это состояние.

(А. Синцов: *Операция «Преемник»*)

4) Ипостась «**соправитель**» анализируемой идеологемы *президент Путин* появилась в прессе, хронологически относящейся к периоду президентского срока Дмитрия А. Медведева, который воспринимался как несамостоятельный, марионеточный президент, исполняющий свои обязанности под диктовку Путина:

Я ведь не ошибаюсь: фамилия нашего президента — Медведев?

(В. Шендерович: *Чем отливается ложь*)

Фельетонный образ направлен на развенчание официального имиджа Путина и Медведева как больших друзей и единомышленников, имеющих сходные взгляды по всем стратегическим задачам развития России:

Лужков вмешался в конфликт по поводу Химкинского леса, где неявно схлестнулись две точки зрения: Путина и Медведева. И в этом неявном зашифрованном конфликте выбрал Путина, отвергнув Медведева, что похоронило миф о двух лидерах-братьях, сшитых из одной кожи.

(А. Проханов: *Как мыши Лужка хоронили*)

«Мы, народ» — ментальные погорельцы — стоим в стороне от этого фуршета и пытаемся понять: как жить дальше? Мама-Медведев в Сочи впал в детство, переименовывает милицию в полицию, папа-Путин приехал на пепелище весь в белом, собрал с куста рейтинг, торжественно пообещал пресечь воровство со стороны тех, кого сам на это воровство поставил, — и отчалил летать в прайм-тайм на самолете-амфибии на радость убогим.

(В. Шендерович: *Разрыв*)

В фельетонной картине мира соправители более озабочены поддержанием своего «монаршего» имиджа, чем повышением уровня жизни своих граждан:

Взгляд на Милан, деловую столицу Италии, как на глухую провинцию, недостойную учительного дара В.В. Путина, отчасти нов, ломбардцы бы не поняли, но, возможно, Г.О. Павловский, высказывая скепсис по поводу профессорской должности Владимира Медиоланского, никого не хотел обидеть, а всего лишь имел в виду, что В.В. Путину сподручнее было бы читать лекции в каком-нибудь университете Германии. Национальный лидер свободно говорит по-немецки, и где-нибудь в Марбурге или Тюбингене ему было бы сподручнее ueber Elementa spekulieren. Тогда как на итальянской земле, желательно прямо на Капитолии, уместнее было бы выступать Д.А. Медведеву, описывая величие которого, Г.О. Павловский даже прибег к латинскому языку: «Фактически в Восточной Европе царит Pax Medvedica, медведевский мир, и совсем другие условия для модернизации страны, чем лет пять назад». Латынь, конечно, не совсем золотая (в золотой было бы Pax ursina), а скорее кухонная, но другие державцы даже и такой не устаиваются. В рамках дальнейших политологических опытов руководитель ФЭП мог бы увенчать гаранта Конституции лавровым венком, приговаривая при этом: «Помни, Медведев, одно: что ты призван народами править. // Вот твой завет: всюду мира закон насаждая, // Тех, кто смирился, щади и войною круши непокорных». Выслушав лестные для себя речи Г.О. Павловского, соправители стали производить жесты, исполненные глубокого смысла.

(М. Соколов: *Фельетон Максима Соколова*, 30.04.2010)

5) Иронический образ **президента-гаранта** направлен на указание расхождения между его конституционным определением и реальной деятельностью главы государства. Согласно *Современному толковому словарю русского языка* под редакцией Татьяны Ф. Ефремовой, «**гарант**» — это 1. Государство, организация или лицо, предоставляющие определенные гарантии и наблюдающие за их осуществлением. 2. Тот, кто или то, что обеспечивает осуществление, исполнение

чего-либо¹⁶. Развенчание официального идеологического клише «президент — это гарант всех прав, свобод граждан, гарант порядка и стабильности в стране» заключено в фельетоне Шендеровича *Дирижабль*. Автор подчеркивает полярное размежевание понятия «гарант» и деятельности президента Путина в свете событий, происходящих в стране:

Следует констатировать: Путин как пиар-продукт одержал полную и окончательную победу. Гарант давно отделился от дел рук своих и завис над Родиной, как большой серебряный дирижабль. Впервые этот номер Владимир Владимирович проделал перед первыми выборами, в феврале 2000-го, когда объявил «вторую чеченскую» законченной, а себя как главнокомандующего — ее победителем. Российские войска взяли Грозный — ура! Впереди были и «Норд-Ост», и Беслан, и взрывы в метро, и почти ежедневная гибель солдат и милиционеров по всему Кавказу, но все это уже заведомо шло по линии недоучетов в работе МВД, которому главнокомандующий, с барского плеча, скинул проблему после своей безусловной победы. [...] Следует признать: Путин как пиар-продукт одержал на данном историческом этапе полную и окончательную победу. Следует признать: Россия как сообщество граждан, управляющих своей страной, потерпела (на данном историческом этапе) полное и сокрушительное поражение. [...] Только висит над головами россиян большой серебряный дирижабль по имени «Владимир Путин» — висит и успокаивает нервную систему своим гладким видом.

С предложенной выше дефиницией **гаранта** не сочетаются вовсе отрицательные качества и действия, которые вменяются президенту Путину в текстах фельетона — ложь, фальсификация, высокомерие, жестокость и корыстолюбие:

[...] впоследствии наш президент продолжал нам врать — и продолжает делать это с завидной регулярностью. [...] «Курск», «Норд-Ост» и Беслан — подороже вышли, не правда ли? А тогда, пять лет назад, всего и надо было выйти на улицы (тысяч сто хватало бы, я думаю), взять гаранта за шкуру, как взял за шкуру Клинтона американский народ за ложь по гораздо менее существенному поводу, — и заставить публично признать эту свою ложь и извиниться. Как минимум, за нее. Глядишь, по-другому бы начал вести себя, благодетель наш...

(В. Шендерович: *Записки путешественника*)

Привыкшие к раздраженному тону гаранта во время его отповедей мировой закулисе будут приятно удивлены циклом его телевизионных бесед с подчиненными. С министрами и вице-преьерами собственного правительства Путин говорит как с неразумными детьми, покровительственно-свойски, прилюдно демонстрируя разницу в интеллекте и человеческих масштабах. Разница эта

¹⁶ *Современный толковый словарь русского языка*. Ред. Т. Ефремова, Москва 2000 <<http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/153359/Гарант>> (17.09.2012).

достигается прежде всего готовностью путинского собеседника есть дерьмо на глазах у миллионов телезрителей — и примером тех, которые прилюдно есть дерьмо отказались и сидят в Краснокаменске. Этот дивный юмористический прием: сначала ввести собеседников в ступор карательными мерами, а потом начать с ними, трясущимися, разговаривать голосом учительницы младших классов (не волнуйся, Петенька, ну давай попробуем еще разок) — по праву должен носить имя Владимира Владимировича!

(В. Шендерович:
«Не правда ли, смешно?..» Юмор Путина (часть вторая))

Не соответствует понятию **гаранта** тип авторитарного руководителя, стремящегося к полному единовластию в государстве, на что указывает фельетонист в форме иронического обращения к политическому объекту:

Вы как гарант прав всех россиян (а не двадцати процентов населения страны), разумеется, не считаете нормальным положение, при котором россиянин, проголосовавший за «Единую Россию», представлен в парламенте тремя голосами, отдавший голос за КПРФ — одним голосом, а выбравший СПС или «Яблоко» не представлен вообще никак! Вы, несомненно, понимаете, как опасен этот тяжелый перекокс для общественного равновесия!

(В. Шендерович: *Письмо избирателю Путину*)

б) С определением «гаранта» не связывается и образ **президента-корыстолюбца**, использующего свое высокое служебное положение в личных, корыстных целях, о чем многократно говорят оппозиционные публицисты:

Он борется с коррупцией, а она растет. Он еще поборется, а она опять наверх. Путин ее каленым железом в президентском послании, а она еще выше... Путин ее за горло на встрече с силовиками, а она, падла, прям зашкаливает... Причем прямо там, в силовых органах, и зашкаливает... Прямо возле гаранта! Но не тот человек Путин, чтобы сдаваться! — специальным указом создал при себе орган по борьбе с нею, с родимой... Поднажал — и еще несколько его друзей вошли в список «Форбс». В общем, похоже, тянул наш служивый в Кремле не столько лямку, сколько вообще все, что под руку попадало, пока, ближе к дембелю (по данным СМИ), со всех российских хлеборезок, складов и каптерок — не обнаружилось под его личным контролем около сорока миллиардов долларов.

(В. Шендерович: *Плавленный сырок*, 10.05.08)

Для иронических текстов, эксплицирующих злоупотребление Путиным служебными полномочиями в целях личного обогащения, характерно использование (псевдо)мелиоративных тактик (похвалы, одобрения, комплимента), а также их отличает высокая интертекстуальная плотность (здесь — Лев Толстой, Ювенал):

Возвращаясь к анализу путинских реприз, следует заметить, что мочеполая тема вообще не отпускает нашего гаранта, — как впрочем, и тема окружающего корыстолюбия. Именно окружающего, — ибо сам президент, как известно, человек кристальной честности! Вот только про «Байкалфинансгрупп» оказался в курсе дела раньше аукциониста, а так — практически Лев Толстой.

(В. Шендерович:

«Не правда ли, смешно?..» Юмор Путина (часть вторая))

Иронический эффект заостряется путем сочетания в пределах одной фразы грубо-просторечного глагола «фигачить» (‘тяжело работать; бить’) и ставшего нарицательным понятия «ювеналов бич» (‘синоним поэзии гневного обличения; знаменитый римский сатирик Ювенал обличал пороки богачей, клеймил позором своих современников’): «И регулярно фигачит ювеналовым бичом по продажному миру, в котором нет ничего святого». (В. Шендерович: *«Не правда ли, смешно?..» Юмор Путина (часть вторая)*).

7) Популярен и очень продуктивен в современной фельетонистике клишированный образ президента Путина как хладнокровного **солдата**, превратившего Россию в большую казарму. Сатирической разработке этого образа во многом способствует факт службы Путина в ФСБ. В фельетонной картине мира президент Путин именуется как **чекист, полковник, бравый генерал, ефрейтор, силовик, особист, эфэбешник** и т.п. Так, на образ-тезис (повторяющийся на разных витках сатирический референт) Путина как солдата — дембеля нанизывается вся текстовая ткань радио-фельетона *Плавленный сырок* от 10.05.2008. В разнообразных вариациях этот образ пронизывает все произведение от начала до конца:

Сам себя назвавший дембелем, восемь лет наводивший ужас на казарму, в минувшую среду, при полном параде, он вышел наконец за ворота части; И наконец установились в казарме положенные дисциплина и порядок: с утра — политинформация, вечером — программа «Время», на праздник — двойная пайка, в виде государственной награды, всякому, кто стоит ровно, с восторгом на начищенной физиономии!

«Новобранец», «бравый полковник», «бравый ефрейтор», «выдающийся прапорщик», «наш служивый», «старослуживый» — такими номинациями формируется образ президента Путина как человека прагматичного и беспринципного.

Эффект усиливают выразительные сравнения и историко-литературные аллюзии:

А в политической жизни воцарились тишина и покой, как у снежной королевы. Только Путин, как мальчик Кай из анекдота, все переставлял туда-сюда партийные кубики, выкладывая из четырех простых русских букв слово «вечность»; Беслан стал родиной больших успехов нашего кремлевского «дембеля», — начиная с отличной идеи расстрелять бандитов из огнеметов вместе с детьми, чтобы не допустить появления Масхадова. [...] Народ у нас, слава тебе Господи, привычный, повоет, да обратно впряжется, а президент России, как персонаж древнегерманского эпоса, умылся кровью и только еще сильнее стал; А ведь до Путина российское правосудие находилось в хаотическом состоянии. Иногда доходило до смешного: ориентировались на Конституцию! Ну, эту ерунду Путин прекратил сразу, взяв за ориентир слова коллеги Муссолини: друзьям — все, врагам — закон. [...] Практическая сторона дела при этом превзошла всякое муссолини [...]. Вот же, слава богу, жив-здоров Лукашенко, настоящий товарищ по разуму! Путина еще не знал никто, а батька уже с Америкой боролся, врачи удивлялись.

Портрет президента-солдата в фельетоне завершает анализ его речи и «казарменного» стиля высказываний:

Но вот — пожил, освоился, отвязался помаленьку и от Абрамовича, и от Абрамовича, вошел во вкус, перестал стесняться — и обнаружил ухваты крепкого старослужащего, и полетели птицами с языка шутки-прибаутки, образовавшие этот фирменный «дембельский» стиль. Мочить в сортире, жевать сопли, хватать за яйца... бьем один раз, но по голове... отрезаем, чтобы не выросло... замучаетесь пыль глотать! Великий и могучий, хамский и прибалтненый.

Отмечая рост популярности президента, а также широкое распространение среди народа приведенных здесь фраз, публицист указывает на общее снижение языковых вкусов населения, углубляющуюся языковую неприязнительность русского общества: «[...] именно в этом корневом совпадении авторской интонации с люмпенскими предпочтениями и заключается залог успеха и рост рейтинга!» Для усиления эффекта воздействия на читателя, автор активизирует его ассоциативный культурно-исторический потенциал. Позиция фельетониста легко прочитывается здесь в деформированной прецедентной единице. Прототекст — знаменитое тургеневское изречение о русском языке — расширяется за счет современного «перевода» этой фразы на язык правящей элиты: «Великий и могучий, хамский и прибалтненый».

В сатирической картине мира президент-военачальник действует методами, характерными для армейской муштры или для военного времени: «наносит сокрушительные удары», «атакует», «отражает/отводит удары», «одерживает блистательные победы». Поскольку, согласно позиции фельетониста, истинная цель президента казарменного типа — это захват и удержание личной власти, то его действия причиняют

вред гражданам страны, благополучие которых мало заботит главу государства:

Укрепление вертикали власти по-путински обернулось ее вакуумом. Власть оторвалась от народа. Она стала крепка только сама в себе. Более четким стал механизм назначения чиновников, контроля за ними. Нечто армейское внедрилось в чиновничью среду, не хватает только вицмундиров, чтобы власти окончательно, даже с виду отделиться от масс.

(А. Синцов: *Симптомы налицо*)

История новой власти России — это история ее борьбы с народом. [...] Осенью 1993 года народ имел все шансы для того, чтобы раздавить гадину компрадорского режима. Народ и парламент были едины. И тогда, чуя погибель, власть впервые пошла на кровопролитие, вывела танки против безоружных, расстреляла демократию. Ради спасения собственной шкуры они переступили всяческий либерализм, бывший тогда их идеологическим стержнем. С тех пор кремлевские сидельцы стали накачивать мускулы, прорабатывать тактику и стратегию борьбы с грядущим социальным протестом.

(А. Синцов: *Народоборцы*)

8) Образ **президента-карлика** создается фельетонистами с целью дискредитации его профессиональных качеств как слабого, неумелого руководителя, недостойного своего высокого поста. Прием исторических параллелей в таких текстах умело сочетается с использованием литоты:

Чем люди вокруг мельче, тем ты крупнее. Это Ельцин мог позволить себе настоящих политических конкурентов, а когда шапка Мономаха проваливается тебе на плечи, — лучше, чтобы рядом обитал кто-нибудь еще меньше тебя. Лучше, чтобы совсем карлик. Вот и дожила Россия-магушка до Грызлова с Пехтиным — ну, и оппозиция образовалась симметричная: то в Кремле Рогозина себе из хлебного шарика скатают, то Барщевского вылепят...

(В. Шендерович: *Плавленный сырок*, 10.05.2008)

На гордое Отечество спускается нирвана. Стабильность ослепительно сияет впереди. Как видите, достаточно, чтоб все с приставкой «нано»: масштабы, технологии, герои и вожди.

(Д. Быков: *Нановакуум*)

Представление фигуры президента в коротком ретроспективном плане позволяет осветить процесс его прихода к власти. Метафорические уничижительные номинации способствуют общему умалению и дискредитации реферируемого объекта:

Спросить хочется — людей с настоящими биографиями и именами. Тех, которые в начале «нулевых» бросились наперегонки лепить из этой дубянской моли

спасителя нации — всю эту профессуру, поэтов, философов, рок-музыкантов... всех этих властителей дум и всенародно любимых корифеев, которые сей же час замаячили рядом с новеньким, щедро бросая на опасную номенклатурную пустоту отсветы своих блестящих репутаций...

(В. Шендерович: *Поминание старого*)

Образ президента-лилипута моделируется в сопоставительно-диахроническом представлении отношений России с Западом. Данный образ обладает двойственной природой — с одной стороны, образу президента-карлика свойствен высокий статус и авторитет в родном государстве. Будучи необычайно влиятельной фигурой в своей стране, Путин, по мнению публициста, незначителен на международной арене, так же, как и в свое время его авторитарный предшественник — Иосиф Сталин. Снижение в фельетоне обоих образов правителей России происходит путем реализации стратегии именованья: Сталин получает в тексте уменьшительно-ласкательное прозвище «дядюшка Джо», бытовавшее некогда в западных кругах, президент Путин же именуется «Пути-путом» (каламбур, образованный путем сложения (уподобления) лексем «лилипут» и «Путин»):

Создается все-таки впечатление, что в наших отношениях с США Владимир Путин все время совершает ту же ошибку, что и Иосиф Сталин во взаимоотношениях с нацистской Германией. Как известно, товарищ Сталин был человеком недоверчивым и прямо-таки не доверял решительно никому. Однако же нападение Германии на Советский Союз для него явилось большой неожиданностью, и он долго не мог решиться выступить по радио, чтобы сказать все, что он подумал о товарище Гитлере и его вероломстве. [...] для Гитлера Сталин был всего-навсего хитрым азиатом, и никакие договоренности с ним не могли иметь значения. Это происходило не потому, что нехороший человек Адольф был нацистом, а всего лишь в силу того, что он был европейцем. Так и сейчас нам кажется, что так как мы белые люди и можем купить себе приличный костюм, даже получше, чем у прочих, англосаксы способны видеть в нас партнеров. Но нет, ни «пинджак с карманами» от Бриони, ни швейцарские часы «Патек Филип» белого золота нам не помогут. «Главное, чтобы костюмчик сидел!» — наивно думаем мы. Но как для Рузвельта и Трумэна Сталин был всего лишь Дядюшкой Джо, так и Путин для клана Бушей навсегда останется Пути-путом.

(А. Баранов: *Сезон политической кухни*)

Итак, в результате разработки представленных выше ипостасей образа Владимира Путина в сатирической картине мира имплицитно негативно-оценочное представление о действиях главы государства, что приводит к деформации ценностного компонента идеологемы «президент России». Действия субъекта смеховой картины мира политики, отраженной в фельетоне, представлены в редуцированном, упрощенном виде — получил власть по наследству, отделился от наро-

да, притесняет народ, обогащается, используя служебное положение, окружает себя «удобными» людьми и т.п. Очевидно, что личностные идеологемы формируются вокруг категорий Добра и Зла, занимающих в иерархии человеческих ценностей господствующее положение. В текстах сатирической публицистики, призванных вызвать у реципиента критическое отношение к власти и побудить к рефлексии над причинами негативных социальных явлений, мастерски разрушаются официальные идеологические конструкты и создаются новые, с прямо противоположной аксиологической маркировкой.

Список использованных фельетонов

- А. Баранов: *Сезон политической кухни*. «Московские новости» 06.09.2007 <<http://news.webmoskva.ru/society/3530015/>> (14.06.2012).
- Д. Быков: *Баллада о преемнике*. «Огонек» № 4974 <<http://www.ogoniok.ru/4974/9/>> (10.02.2012).
- Д. Быков: *Дайте две!* «Огонек» № 5070 <<http://www.ogoniok.ru/5070/11/>> (10.02.2012).
- Д. Быков: *Нановакуум*. «Огонек» №5014 <<http://www.ogoniok.com/5014/6/>> (10.02.2012).
- А. Проханов: *Монархия без империи, православие без Христа*. «Завтра» 02.09.2009, № 36.
- А. Проханов: *Как мыши Лужка хоронили*. «Завтра» 22.09.2010, № 38.
- А. Проханов: *Путин — Медведев: пересадка органов*. «Завтра» 20.02.2008, № 8.
- А. Синцов: *Симптомы налицо*. «Завтра» 06.04.2005, № 14.
- А. Синцов: *Час пси*. «Завтра» 14.11.2007, № 46.
- А. Синцов: *Народоборцы*. «Завтра» 16.11.2005, № 46.
- А. Синцов: *Операция «Преемник»*. «Завтра» 30.11.2005, № 48.
- М. Соколов: *Фельетон Максима Соколова*. «Эксперт» 30.04.2010 <http://expert.ru/2010/04/30/feleton_sokolov/> (22.08.2012).
- В. Шендерович: *Плавленный сырок*, 10.05.2008 <<http://www.shender.ru/syrok/?date=20080510>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *«Не правда ли, смешно?..» Юмор Путина (часть вторая)* 11.09.2007 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=179>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Дирижабль* 12.02.2007 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=146>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Еще раз о пользе правил* 01.06.2008 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=211>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Записки путешественника* 02.09.2005 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=91>> (26.07.2012).
- В. Шендерович: *Игрушечный сепаратизм* 10.09.2005 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=92>> (26.07.2012).
- В. Шендерович: *Как правильно разжечь национальную рознь*, 18.10.2007 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=184>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Неужели Ваша ненависть к Путину настолько сильна? ...* 17.05.2007 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=159>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *О природе стилистических различий*, 08.07.2005 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=89>> (26.07.2012).

- В. Шендерович: *Письмо избирателю Путину*, 28.11.2005 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=101>> (26.07.2012).
- В. Шендерович: *Поминание старого*, 03.10.2011 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=522>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Приятное совпадение*, 11.08.2010 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=374>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Размер стопы*, 05.11.2007 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=186>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Разрыв*, 16.08.2010 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=373>> (20.07.2012).
- В. Шендеровича: *Сеанс*, 08.12.2008 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=243>> (20.07.2012).
- В. Шендерович: *Хуже царя*, 17.11.2008 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=238>> (22.08.2012).
- В. Шендерович: *Чем отливается ложь*, 15.08.2008 <<http://www.shender.ru/paper/text/?file=222>> (20.07.2012).

Żanna Śładkiewicz

IDEOLOGICZNY KONCEPT „PREZYDENT ROSJI”
WE WSPÓŁCZESNYM ROSYJSKIM FELIETONIE POLITYCZNYM

Streszczenie

W artykule autorka analizuje pojęcie konceptualnego obrazu świata, konceptu i ideologemu. Felieton polityczny stanowi część dyskursu publicystycznego, który możemy zakwalifikować jako typ dyskursu perswazyjnego. Felieton ma zawsze modus ideologiczny i zakłada publiczną ważność. Strategicznym zadaniem felietonisty jest przekonanie odbiorcy do swoich racji. Odbiór przez adresata i interpretacja informacji, zawartej w tekście, następuje poprzez jej konceptualizację. W związku z tym, skrupulatne i przemyślane opracowanie podstawowych konceptów w tekście publicystycznym jest fundamentalnie ważne. Artykuł przedstawia ideologiczne wypełnienie konceptu „prezydent Rosji” w ośmiu formach.

Żanna Śładkiewicz

IDEOLOGICAL CONCEPT “PRESIDENT OF RUSSIA”
IN THE MODERN RUSSIAN POLITICAL FEUILLETON

Summary

In this article the author examines the notion of a conceptual picture of the world, the concept and ideology. Political feuilleton is part of the journalistic discourse qualifying as persuasive type of discourse. It always has an ideological mode and assumes public interest. The strategic feuilletonist's task is to convince the reader the rightness of author's world view. Understanding the information available to the individual is by its conceptualization. In this regard, the careful study of the basic concepts in a journalistic text is fundamentally important. This paper describes a content-conceptual filling of of the ideological construct “President of Russia” in the eight forms.